

«Балтийский Форум 2012»

25-26 мая 2012 года
Юрмала, Латвия

Панельная дискуссия 2: Возможные внутривластные изменения в России, США и в других государствах. Влияние этих перемен на межгосударственные двух- и многосторонние отношения

Сергей Цыпляев, президент фонда "Республика"

«Мне кажется, что в сегодняшней дискуссии мы сильно концентрируемся на личностях и считаем, что каждый вновь пришедший президент может сделать все что угодно. Мог Горбачев распустить СССР, а мог и не распустить, мог Ельцин делать экономические реформы, проводить приватизацию, а мог оставить, как было. На самом деле коридор возможностей довольно узок, и нельзя сказать, что каждый президент может рисовать страну как он хочет, с чистого листа, ориентируясь только на собственные настроения и свой опыт.

Поэтому я хотел бы поместить развитие событий в России сейчас на этапе смены президентства в некий более широкий контекст, поскольку Россия реально решает задачу демократической революции уже 100 лет. Попытки решить те задачи, которые некоторые страны решили раньше (Англия, Голландия), некоторые позже (Германия, Франция), тоже долго и сложно, у нас пока продолжаются с переменным успехом. На знаменах этого движения каждый раз написаны лозунги свободы, равенства, братства и с этим получается довольно трудно.

Мы помним первый результат серьезной попытки 1917 года, которая закончилась катастрофой и громадной реакцией. И по существу реставрация привела к созданию позднего рабовладельческого общества. Это общество не выдержало конкуренции в XX веке и в 1991 году мы пошли на новую попытку.

После этого мы снова видим фазу реставрации. Причем она довольно длительная. Политическая реставрация началась после 1998 года, когда в обществе в громадной степени распространялись идеи о необходимости твердой руки, о необходимости авторитарного порядка, постепенно это все начинало воплощаться в жизнь. После 2004 года мы видим колоссальные реставрационные элементы, в том числе и в экономической сфере, когда влияние государства все нарастает.

Вопрос в том, как далеко зайдет эта реставрация. Сегодня мы ощущаем, что в стране уже сложилось постфеодальное общество, которое четко разделилось на классы, есть дворянство – это бюрократия и особо выделен класс силовиков, есть духовное сословие, причем это не церковь, которая борется за эту позицию, нишу духовного сословия занял шоу-бизнес, который демонстрирует образцы поведения и показывает, как надо жить и третье сословие – начиная от рабочего и заканчивая олигархом или предпринимателем.

В XX веке мы проиграли экономическое соревнование с той жесткой моделью, не справившись с вызовами нового времени. Мы соревновались с США и некоторыми другими странами по производству цемента, чугуна, стали, а в этот момент выяснилось, что на дворе информационно-техническая революция и мы не в состоянии на нее адекватно реагировать. Так и сейчас, мы видим, как в России постепенно набирает силу новая волна желающих двигаться дальше и завершить эту программу демократической революции и снова те же задачи равенства перед законом, свобода и все это по-прежнему очень тяжело получаются. Проявление этой битвы мы видим сейчас на площадях и улицах.

Вторая проблема, с которой исторически сталкивается страна, это сфера экономики. Традиционно в России какие-то изменения начинались тогда, когда раздавался всеобщий крик «Мы отстали!». Пока этот крик не раздавался, никто ничего не делал, а говорил, что все у нас правильно, хорошо и мы знаем куда идти. После этого наступал национальный способ модернизации через диктатуру,

это и Петр I, и Сталин...Все на борьбу с отсталостью...и начинается ломка через колено и завоз с Запада всевозможных экономических и технических штучек. Достаточно вспомнить индустриализацию, как она проходила в СССР. Все заводы были совместными – строились российско-американскими и немецко-российскими инженерами. Это был абсолютно правильный подход. Но мы прекрасно понимаем, что только один раз можно провести индустриализацию, у вас только одна ступень ракеты, вы ее сжигаете и второй раз ее у вас нет. Это деревня, колоссальный источник рабочей силы, которая готова за койку в общежитии или за плошку риса выполнять работу очень качественно и дешево. Этот ресурс мы уже исчерпали. Когда люди говорят о реиндустриализации, я не очень понимаю, о чем они говорят. Да, возможно проводить реиндустриализацию, если завозить рабочую силу из Узбекистана, Таджикистана, но по-другому это сделать трудно.

Возникла идея совершить большой скачок, минуя реиндустриализацию, сразу в постиндустриал, это и инновации, Сколково и т.д., но выяснилось, что там тоже довольно тяжело. Во-первых, там нас никто не ждет, там занято США, другими европейскими странами, а самое главное, те люди, которые изобретают интересные вещи, они не могут здесь довести это до товарного результата, поскольку отсутствует соответствующая экономика, которая могла бы поглотить эти результаты. И это все продолжают продвигать на Западе.

Перед страной стоит совершенно гигантский вызов - индустриализация, которая была проведена преимущественно по военному пути не оставила почти никаких следов, поскольку не наступило мировой революции большой войны, а индустрия не сохранилась, в постиндустриал скачок не получился по причинам отсутствия свободы и трудностей, связанных с военной промышленностью. Индустриальная ниша занята Китаем и Индией, постиндустриальная ниша тоже занята капитально. Поэтому постоянно раздающиеся голоса, что мы должны слезть с нефтяной иглы, они, конечно, замечательны, но реально объективное развитие событий заталкивает нас в положение европейской бензоколонки и страны, которая является сырьевым придатком. Да, можно себя объявить энергетической супердержавой, немного потешить себя, но реально объем сырья в нашем экспорте растет и правящая элита не в состоянии дать ответ на вопрос, где место России в мировом разделении труда и как можно выбраться из этой ситуации.

Что обычно делают в таких вещах? Конечно, никакое правительство не скажет, куда надо двигаться, толи нанотехнологии, толи еще что-то новомодное. Вдруг выясняется, что прорыв происходит совершенно в другом месте. Крайне необходимо в ближайшую экономическую повестку дня включать вопросы о деловом климате, о свободе, о том, чтобы предприниматель мог заниматься делом.

Что предстоит сделать политической элите. В первую очередь, основная проблема и она безумно трудна для действующей элиты, надо посадить на «короткий поводок» административно-бюрократическую машину, в том числе силовиков, обозначив жесткие пределы. Невозможно постоянно превращать бизнесменов в дойную корову, живущую пока на свободе. Это серьезная проблема, потому что общество тоже не понимает предпринимательской функции и предпринимательская доблесть не признается. Все смотрят на предпринимателей, как на тех людей, которые временно находятся в свободном состоянии, а при внимательном подходе все будут посажены или раскулачены. В стране традиционно уважается военная доблесть, чтобы не происходило в военной сфере, какие бы проблемы с генералами не возникали, но это исторически понятно и уважаемо. Что касается предпринимательской деятельности, пока к этой работе интеллигенция, правящий и образованный класс относится плохо. Деловой климат только что оценивался такой организацией как Всемирный Банк, мы находимся на 120 месте из 183-х.

В целом эта обстановка задает необходимость серьезной демократической программы, начинающейся с того, что если вы хотите выходить в постиндустриал, вам никуда не деться от того, чтобы дать свободу, нужен свободный и независимый человек, который работает и понимает, что это стабильно, возможно, интересно, что завтра его не раскулачат. Страх раскулачивания приводит к тому, что за последние четыре года вывезен за границу один федеральный бюджет, деньги уходят в достаточно больших объемах.

Что касается той повестки дня, которая сейчас появляется перед властью, перед обществом, я вспоминаю времена, когда я сам начинал народным депутатом СССР, Москва, Притер говорили об общих демократических задачах. Когда собрался съезд народных депутатов, мы услышали голос республик, краев и мест, которые говорили об экономической независимости, о необходимости перераспределения средств, о необходимости дать им права и возможности. Сейчас, пока мы разговариваем в Москве и Питере, мы не видим того, что происходит в регионах, а они требуют ровно того же. Это будет серьезная проблема России, которая пока блокирована. Сегодня у нас через федеральный бюджет перераспределяется около 40% ВВП в год, из которых 60% всего бюджета приходится на федеральный бюджет, а все остальное на регионы и на место самоуправления. Сегодня, когда все деньги остаются в Москве и немного перепадает Петербургу, у людей нет шансов что-либо сделать у себя в поселке, городе, у них нет ни полномочий, ни финансов. Напряжение между региональными структурами нарастает.

Параллельно этим экономическим запросам, нарастает требование граждан по реализации демократической повестке, которая включает в себя выборы губернаторов, где переход к назначению был ошибочным, он был ошибочным, не решил никаких задач, создав только проблему отчуждения народа и власти, и сейчас шаг за шагом мы будем к этому возвращаться.

Будут требования и это возвращение выборов по мажоритарным округам, потому что нам нужны личности в политике, иначе мы каждые 6 лет будем задавать вопрос «Кто вместо?». Это общеполитическая программа, которая может просто назваться «Свободные и честные выборы» и «Свободная и честная политическая конкуренция», снова находиться в центре борьбы. Как сложатся обстоятельства и куда повернется результат, пока предсказать трудно.

Общество расколото на части, есть молодое поколение, которое ориентировано на постиндустриальное развитие, которое требует перемен и есть довольно большая часть общества, адаптированная к индустриальной и даже патриархальной жизни, которая никаких перемен не хочет и более того их бояться.

Если в начале 90-х во времена Ельцина власть в основном опиралась на реформаторские и продвинутые классы, то сейчас упор ведется на индустриальную сферу и на ту часть общества, которая не заинтересована ни в каких переменах. Поэтому идет очень тяжелая внутренняя борьба, предпринять какой будет исход, пока очень трудно.

Если оценивать смену, которая произошла сейчас, насколько она существенна в смене лиц, то мы видим, что по существу команды поменялись Кремлем и Белым домом. Поэтому понятно, что элитой дан четкий сигнал, что перемен не будет, будет стабильность. Но временами она превращается в унылую стабильность и это является наиболее опасным.

Многokrатно говорили, что если власть не разговаривает с умеренной оппозицией, она получает в качестве визави для разговоров улицу. Шаг за шагом это у нас происходит. Сегодня те люди, которые выступают с позицией умеренности, они становятся все менее интересны радикализирующейся молодежи, которая начинает воспринимать политику как адреналиновое занятие с родни футбольному фанатству. Упорство обеих сторон ставит ситуацию на грань проблемы.

Надо сказать, что общество у нас не смогло сдать экзамен под названием «Плановая смена власти». Мы пошли на 3-4 срока и как показывает опыт, перспективы плохие. Мы отложили эту задачу на осень и нам надо будет этим заниматься. Если продолжать двигаться сейчас в этом направлении, когда стороны не будут слышать друг друга, то дальше хорошие перспективы не очень просматриваются. У нас нет бесконечно много времени на решение этих вопросов, потому что мир уходит вперед, и мы уже видим удаляющийся поезд.

Вторая особенность, отличающая нас от советского времени, это отъезд наших способных, продвинутых граждан в другие страны и приезд на их места граждан средней Азии и бывших республик СССР. Раньше страна была закрыта и люди находились здесь. Это качественное

изменение общества может нас очень далеко отбросить в попытках решать задачи модернизации, быть конкурентоспособными с миром, в попытках оставаться в клубе влиятельных государств.

Сейчас к обществу и к власти адресовано достаточное количество вопросов. Надо выработать повестку дня, как нам реализовывать задачи демократической революции, иначе мы можем постепенно уйти с серьезной позицией с исторической арены.

И последнее, об идее замены Конституции. Один только процесс отказа от действующей конституции и переход к ее выработке представляет невероятный риск. Вы уверены, что новая Конституция будет лучше? Я уверен, что она будет хуже. Я сам участник конституционного совещания и помню, какие битвы приходилось выдерживать, то республики грозились покинуть совещание, поскольку они требовали контрольного пакета в Совете федерации, то регионы грозились покинуть совещание, поскольку они желали равноправия субъектов РФ. Баланс был восстановлен в Конституции после стрельбы из танков. Более того, нам не удержать вескость в Конституции, которая есть в основах, нам не удержать права человека. У меня есть глубокое ощущение, что те дефекты в Конституции, которые присутствуют, они должны быть серьезно обсуждены и исправлены, но по существу сегодня демократические силы в России должны сражаться за эту конституцию, как за свои стены, поскольку иначе предстоит «чистое поле».»